

На правах рукописи

Базанов Михаил Александрович

**Александр Александрович Зимин: биография историка
в контексте развития отечественной науки**

Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического
исследования

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург – 2014

Работа выполнена на кафедре истории России Института гуманитарного образования Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Челябинский государственный университет»

Научный руководитель: **Алеврас Наталия Николаевна**
доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России ФГБОУ ВПО
«Челябинский государственный университет»

Официальные оппоненты: **Корзун Валентина Павловна**
доктор исторических наук, профессор кафедры
современной отечественной истории и
историографии ФГБОУ ВПО «Омский
государственный университет им. Ф.М.
Достоевского»
Тихонов Виталий Витальевич
кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник центра «Историческая наука
России» ФГБУН «Институт российской
истории Российской академии наук»

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Новосибирский
государственный педагогический
университет»

Защита состоится «24» декабря 2014 г. в ___ часов на заседании Диссертационного совета Д 004.011.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГБУН «Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук» (620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН «Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук» (620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16, каб. 1101).

Электронный вариант диссертации и автореферата диссертации размещен на официальном сайте Института: <http://www.ihist.uran.ru>

Автореферат разослан «__» _____ 2014 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
доктор исторических наук

 Е.Г. Неклюдов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования. Александр Александрович Зимин относится к историкам, оказавшим определяющее влияние на развитие отечественной исторической науки. Монографии А.А. Зимина стали знаковыми событиями в развитии отечественной науки, а его идеи до сих пор разделяются учеными и вошли в учебную литературу. Большой, академический охват его творчества так же выгодно выделяет его на фоне коллег-современников. Кроме того, влияние на развитие исторической науки А.А. Зимин оказывал не только непосредственно, своими трудами, но и опосредовано, через своих учеников, многие из которых сами стали известными учеными (С.М. Каштанов, Я.Н. Щапов, М.Е. Бычкова и др.). Темы, поднятые в трудах А.А. Зимина, относятся к ключевым проблемам российской истории (социально-экономический строй Киевской Руси, механизм формирования единого Российского государства, общественно-политическая мысль средневековой Руси). Не менее, чем его творческое наследие и его влияние на последующие исследования, важна и сама фигура А.А. Зимина-ученого, активного полемиста, уже при жизни превратившегося в классика исторической науки, человека с яркой биографией, порою шедшего на рискованные с точки зрения выстраивания своей карьеры поступки. Это выгодно выделяет его из общего круга историков-современников, делая его биографию привлекательным объектом для исследования.

Степень изученности темы. Литературу, использованную в диссертации, можно условно разделить на пять больших блоков.

К первому блоку относятся труды, непосредственно посвященные жизни и творчеству А.А. Зимина¹. С.М. Каштанов, В.Б. Кобрин, А.Л. Хорошкевич и А.М. Дубровский создали работы, в которых пытались очертить его творческий путь в целом². Одной из самых разработанных тем является социально-политическая история России XV–XVI вв. в творчестве ученого³. Я.С. Лурье,

¹ На настоящий момент уже далеко не полный обзор работ, посвященных историку, см.: Шишкин И.Г. Жизнь и творчество А.А. Зимина в современной историографии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1.: Проблемы образования, науки, культуры. 2007. Т. 52. № 22. С. 306–319.

² Каштанов С.М. Александр Александрович Зимин // Портреты историков: Время и судьбы. М., 2000. Т. 1. Отечественная история. С. 368–392; Каштанов С.М., Чернобаев А.А. Зимин Александр Александрович // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 803–814; Кобрин В.Б. Александр Александрович Зимин. Ученый. Человек. // Исторические записки. 1980. Т. 106. С. 294–309; Хорошкевич А.Л. Памяти Александра Александровича Зимина // Историографический сборник. Саратов, 1983. Вып. 10. С. 107–122; Дубровский А.М. Александр Александрович Зимин: трудный путь исканий // Отечественная история. 2005. № 4. С. 140–150; и др.

³ Кобрин В.Б. Новейшие труды о процессе централизации Русского государства // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 256–269; Панеях В.М. Панорама истории России XV – XVI вв. А.А. Зимина: К выходу в свет его книги «Витязь на распутье» // Отечественная история. 1992. № 6. С. 70–81; Володихин Д.М. Очерк методологии А.А. Зимина // Вестник Университета Российской академии образования. 1996. № 1. С. 30–47; Каштанов С.М. К 80-летию А.А.

В.М. Панеях, М.Е. Бычкова и Л.Е. Морозова проанализировали источниковедческую компоненту творчества ученого⁴. И.Г. Шишкин сравнивал труды А.А. Зимина по истории Киевской Руси с работами его коллег-современников⁵. Историографы активно изучают дискуссию вокруг монографии А.А. Зимина «Слово о полку Игореве»⁶. Публикации Р.А. Киреевой освещают малоизвестный эпизод карьеры ученого, когда он был вынужден из-за идеологического давления отказаться от изучения биографии В.О. Ключевского⁷. К.Ю. Ерусалимский проанализировал полемику вокруг монографии А.А. Зимина «И.С. Пересветова и его современников»⁸. Несколько статей посвящены взаимоотношениям историка с коллегами⁹.

Ко второму блоку литературы относятся биографические исследования, посвященные персонам из круга общения А.А. Зимина¹⁰. Благодаря им возможно вписать ученого в сложившуюся систему научных коммуникаций. Из общей массы следует отметить исследования о С.В. Бахрушине, учителе А.А. Зимина, у которого последний заимствовал многие из своих научных воззрений¹¹.

Зимина // Археографический ежегодник за 2000 г. М., 2001. С. 226–227; Муравьев В.А. Александр Александрович Зимин // Историки России. Послевоенное поколение. М. 2000. С. 166–175; и др.

⁴ Лурье Я.С. Об А.А. Зимине – источниковеде и текстологе // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1982. Сб. XIII. С. 329–331; Панеях В.М. Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии А.А. Зимина // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Сб. XIV. С. 107–135; Бычкова М.Е. Источниковедение в трудах А.А. Зимина // Вестник РГГУ. 2010. № 7. Сер. Исторические науки. С. 211–219; Морозова Л.Е. О методиках изучения повествовательных источников А.А. Зимина // Спорные вопросы отечественной истории XI – XVIII веков: тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посв. памяти А.А. Зимин. М., 1990. Вып. 2. С. 187–190.

⁵ Шишкин И.Г. А.А. Зимин и проблема образования Древнерусского государства // Россия в X–XVIII вв.: Пробл. ист. и источниковедения: Тез. докл. и сообщ. Вторых чтений, посв. памяти А.А. Зимина. М., 1995. Ч. 1. С. 42–44.

⁶ Формозов А.А. А.А. Зимин. «Слово о полку Игореве» (фрагменты книги) [вступительная статья] // Вопросы истории. 1992. № 6/7. С. 96–103; Данилевский И. Загадку разрешить невозможно? // Знание-сила. 2007 № 10. С. 40–43; Котляр Н. Восставшая из пекла: Александр Зимин и «Слово о полку Игореве» // Родина. 2007. № 10. С. 40–43; Соколова Л.В. К истории дискуссии 1960-х годов о подлинности «Слова о полку Игореве» // История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: материалы дискуссии 1960-х годов / вступ. ст., сост., подг. текстов и комментариев Л.В. Соколовой. СПб., 2010. С. 11–126; и др.

⁷ Киреева Р.А. Из истории советской исторической науки конца 1940-х гг.: Первое вето в научной жизни А.А. Зимина // Археографический ежегодник за 1993 г. М., 1995. С. 222–228; Она же. О публикации рукописного наследия В.О. Ключевского // В.О. Ключевский в истории нации и культуры: Материалы IV Всеросс. науч. конф. Пенза, 2007. С. 13–20; и др.

⁸ Ерусалимский К.Ю. Публицист и централизованное государство: И.С. Пересветов в творчестве А.А. Зимина // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2012. Вып. 38. С. 100–128.

⁹ Простоволосова Л.Н. А.А. Зимин и А.И. Андреев: из биографической хроники (письма А.А. Зимина А.И. Андрееву) // Россия в X–XVIII вв. ... Ч. 1. С. 33–35; Илизаров С.С. Разбуженные «Словом» А.А. Зимина // Там же. С. 36–38; Вовина-Лебедева В.Г. Переписка А.А. Зимина и Я.С. Лурье (1951–1963 гг.) // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Докл. и сообщ. науч. конф. М., 2000. С. 114–120; Запесоцкий А., Зобнин Ю., Михайлов А. Д.С. Лихачев и А.А. Зимин: уроки научной полемики // Вестник Европы. 2007. Т. XXI. С. 240–247; и др.

¹⁰ Шмидт С.О. Михаил Николаевич Тихомиров // Портреты историков: Время и судьбы. М.; Иерусалим, 2000. Т. 1. Отечественная история. С. 247–258; Преображенский А.А. К 100-летию А.А. Новосельского // Отечественная история. 1992. № 2. С. 96–106; Яцунский В.К. Александр Игнатьевич Андреев. Краткий очерк жизни и деятельности // Андреев А.И. Очерки источниковедения Сибири. М.; Л., 1960. С. 3–14; Буганов В.И. Проблемы реформационных движений в общественно-политической мысли России в трудах А.И. Клибанова // Исторические записки. 1977. Т. 98. С. 257–275; Юрганов А.Л. Творческое наследие В.Б. Кобрин в контексте истории исторической науки // Отечественная история. 1993. № 1. С. 136–149; и др.

¹¹ Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время. М., 1992; Он же. Сергей Владимирович Бахрушин // Портреты историков: Время и судьбы. М.: Иерусалим, 2000. Т. 1. Отечественная история. С. 192–206.

К третьему блоку отнесены исследования Л.В. Даниловой, Д. Свака, А.Л. Хорошкевич, И.Я. Фроянова в жанре проблемной историографии, посвященные темам, интересовавшим А.А. Зими́на¹². В диссертации они выполняют справочные функции.

К четвертому блоку относятся исследования, описывающие механизмы и тенденции развития исторической науки в целом. Л.А. Сидорова, А.М. Дубровский, коллектив омских историографов под руководством В.П. Корзун изучали взаимодействие исторической науки и власти, ее внутреннюю поколенческую структуру, характерные для научного сообщества стереотипы (в том числе и представления об образе науки), детали научного быта ученых¹³. А.Л. Юрганов, опираясь на собственную феноменологическую теорию исторического познания, реконструировал мировоззрение историков 1930–1940-х гг.¹⁴ Представляют немалый интерес и статьи А.С. Усачева, предложившего рассматривать историю исторической науки сквозь призму концепции «долгого времени» М. Блока, тем самым продемонстрировав преемственность дореволюционной и советской историографии, их насыщенность одними и теми же мифологемами¹⁵.

К пятому блоку относятся культурологические и социологические исследования, раскрывающие социокультурный контекст жизни и творчества историка¹⁶. Из их общей массы

¹² См.: Веселовский С.Б. Обзор мнений историков об Опричном дворе царя Иван // Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 11–34; Данилова Л.В. Изучение истории феодальной России // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. 5. С. 110–161; Свак Д. Ключевые проблемы социально-политической истории России второй половины XVI в. в русской и советской историографии (реформы и опричнина Ивана IV). Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1984; Хорошкевич А.Л. Опричнина и характер Русского государства в советской историографии 20-х – середине 50-х гг. // История СССР. 1991. № 6. С. 85–110; Фроянов И.Я. Киевская Русь: очерки советской историографии. Л., 1990; Свердлов М.Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. СПб., 1996; и др.

¹³ Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997; Она же. Советская историческая наука в середине XX века: синтез трех поколений. М., 2008; Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепции истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950). Брянск, 2005; Корзун В.П., Колеватов Д.М. Социальный заказ и историческая память (научное сообщество сибирских историков в годы Великой Отечественной войны) // Мир историка: историографический сборник / под ред. Г.К. Сатретдинова. Омск, 2005. Вып. 1. С. 75–95; Они же. Социальный заказ и трансформация исторической науки в первое послевоенное десятилетие («На классиков, равняйся!») // Мир историка: историографический сборник / под ред. Г.К. Сатретдинова. Омск, 2006. Вып. 2. С. 199–224; Они же. «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна в социокультурном контексте эпохи // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2007. Вып. 20. С. 24–62; Кныш Н.А. Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие. Дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2009; Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х гг. – середина 1950-х гг.: коллект. монография / под ред. В.П. Корзун. Омск, 2011; и др.

¹⁴ Юрганов А.Л. Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.

¹⁵ Усачев А.С. *Ionque dugue* российской историографии // Общественные науки и современность. 2002. № 2. С. 102–113; Он же. Образ Ивана Грозного в средневековой Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 3(5). С. 94–103; Он же. «Долгий XVI век» российской историографии // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 104–115.

¹⁶ Паперный В.З. Культура Два. М., 1997; Брусиловская Л.Б. Культура повседневности в эпоху «оттепели» // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 79–83; Она же. Культура повседневности в эпоху «оттепели»: метаморфозы стиля. М., 2001; Тюпа В.И. Кризис советской идентичности в 1960-е годы // Социокультурный феномен шестидесятничества / под ред. В.И. Тюпа, О.В. Федуллина. М., 2008. С. 17–27; и др.

следует выделить работу Д.Л. Бранденбергера, исследовавшего идеологические механизмы мобилизации советского общества и их влияние на формирование русского национального сознания, в том числе и на коллективную историческую память¹⁷.

Таким образом, А.А. Зимин – одна из самых привлекательных для историографов персон. Однако посвященные ему работы относятся к литературе «малых форм» (статьи, тезисы выступлений на конференциях), в рамках которых невозможно совместить широкий охват творчества ученого с его детализированным анализом. Большинство из них представляет собой реферативное изложение основных работ историка. Характерно редкое обращение к архивному материалу. Наконец, обозначились дискуссионные вопросы, еще не нашедшие своего решения в литературе (методологические убеждения историка, вопрос о направлении его творческой эволюции). Восполнение этих недостатков представляется невозможным без погружения биографии историка в окружающий его историографический и социокультурный контекст, который, как было показано нами выше, на настоящий момент весьма обстоятельно освещен в научной литературе.

Методология и методы исследования. В 1980-е гг. интеллектуальная история в западной историографии переживала свое «второе рождение». Под явным влиянием социальной истории она обратила свое внимание с изучения собственно идей и истории их бытования к механизму их порождения, ее интересы сместились от конечного результата к процессу его производства¹⁸. Это и определило появление такого нового исследовательского жанра, как интеллектуальная биография, к которому и относится наша диссертация. Исходя из немногочисленных существующих на данный момент работ теоретико-методологического характера, посвященных данному жанру¹⁹, и конкретно-исторических воплощений его в российской историографии²⁰, мы

¹⁷ Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009.

¹⁸ О развитии интеллектуальной истории см.: Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 325–367.

¹⁹ Она же. Биографический подход в интеллектуальной истории // *Философский век. Альманах*. СПб., 2006. Вып. 32. Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Ч. 2. С. 101–108; Алипов П.А. Жанр интеллектуальной биографии в современной российской историографии // *Будущее нашего прошлого: материалы всерос. науч. конф.* М., 2011. С. 7–20; Андреев В. «интеллектуальна біографія» експлікація поняття // *Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки*. К., 2011. Вип. 5. С. 333–341; Леонтьева О.Б. Интеллектуальная биография как жанр современной науки // *Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посв. 100-летию со дня рождения проф. А.С. Шофмана*. Казань, 2013. С. 235–237; Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Историографический источник как факт интеллектуальной биографии историка // Там же. С. 238–241.

²⁰ Не все подобные работы заявлены их авторами в качестве интеллектуальных биографий, что, на наш взгляд, не должно служить причиной исключения их из этого жанра. Отметим лишь некоторые: Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время. М., 1992; Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999; Дворниченко А.Ю. Владимир Васильевич Мавродин: страницы жизни и творчества. СПб., 2001; Пиков Г.Г. Из истории исторической науки: Карл Август Витфогель // *История через личность: историческая биография сегодня* / под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С. 390–412; Воробьева О.В. А. Дж. Гойнби: на пути постижения истории. Очерк интеллектуальной биографии // *Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории*. М., 2003. Вып. 17. С. 115–169; Нестерова Т.П. Камилло Пеллици: интеллектуал в своей эпохе // *Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории*. М., 2009. Вып. 26. С. 311–

определяем объект интеллектуальной биографии как динамически развивающуюся систему когнитивных взаимодействий индивида и окружающей его социально-интеллектуальной среды. По аналогии с названием жанра, его объект так же можно назвать «интеллектуальной биографией» (подобная двойственность присутствует во всех биографических исследованиях, где «биографией» именуется как жизнь человека, так и ее описание). Предметом подобных исследований могут являться любые трансформации, явления или аспекты существования интеллектуальной биографии.

Универсального набора исследовательских методик для создания интеллектуальной биографии не существует, все зависит от поставленных ее автором целей и задач. Основными для нас стали принципы персональной истории²¹. Персональная история предполагает взгляд на человека как субъекта исторического процесса, обладающего свободой воли. Жизнеописание теряет линейный характер, оно должно учитывать наличие альтернатив в жизненном пути человека, которые необходимо изучить. Ставится и вопрос о соответствии поведения изучаемого объекта общепринятым социальным нормам, степени свободы, которой он обладает при принятии решений, мотивах совершаемых им поступков и их соотношения с общественными ожиданиями. Кроме того, персональная история предполагает всеобъемлющее исследование всех воздействующих на человека факторов, воссоздание условий окружающего его мира во всей полноте.

Взаимодействие личности и научной среды лучше всего описывается посредством социоаналитической концепции поля науки П. Бурдьё. Ученый в ее изображении предстает в качестве агента поля науки, жестко конкурирующего с другими в деле накопления «научного капитала». Сам «научный капитал» (способность убеждать окружающих в своей правоте, «навязать свое определение науки», например «определение поля проблем, методов и теорий, которые могут считаться научными») разделяется на символический (авторитет и признание) и институциональный (контроль над социальными ресурсами поля). По П. Бурдьё существуют две основных стратегии накопления «научного капитала» для «доминируемых» (лишенных основных рычагов управления полем науки): «стратегия преемственности» и «стратегия подрыва». В чистом виде, конечно же, ни одна из них не существует, представляя собой абстракцию. Накопив большой объем «научного капитала», ученый превращается в «доминирующего» (способного навязывать

324; Кучурин В.В. Религиозный мир С.М. Соловьева // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2007. Вып. 3. С. 107–136; Казаков С.О. К интеллектуальной биографии Эрнста Юнгера // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2008. Вып. 24. С. 352–364 и др.

²¹ Репина Л.П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С. 55–74; Она же. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальная теория и историографическая практика. М., 2011. С. 287–324; Ревель Ж. Биография как историческая проблема. М., 2002; Ле Гофф Ж. О биографии исторического персонажа (Людовик Святой) // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999. Вып. 2. С. 101–116.

другим свои представления о науке), единственно возможной стратегией для которого является сохранение накопленного уровня капитала²².

Кроме того, нами использована такая методика, как история идей А. Лавджоя. Она ориентируется на вычленение и изучение «идей-блоков» – составных элементов мыслительных конструкций, в том числе и научных концептов. Некоторые из них не рефлексированы даже своими носителями и могут даже входить в состав противостоящих друг другу идейных конструктов²³.

В диссертации нашли свое применение как общенаучные, так и специально-исторические методы. К их числу следует отнести: системный анализ, метод идеализации, классификацию и типологизацию, историко-генетический анализ, биографический метод, герменевтический анализ (понимание текста).

Объектом исследования является интеллектуальная биография А.А. Зимина, **предметом** – трансформация стратегий взаимодействия А.А. Зимина с научным сообществом отечественных историков.

Цель исследования – реконструировать характер и основные стратегии взаимодействия А.А. Зимина и окружающей его интеллектуальной среды отечественных ученых-историков. Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

- раскрыть социокультурный, историко-научный и историографический контексты, в рамках которых протекало творчество А.А. Зимина;
- определить место, занимаемое А.А. Зиминим в сложившейся системе научных коммуникаций (научные руководители, участники защит его диссертаций, круг коллег, учеников и друзей и т.д.);
- выявить систему теоретико-методологических и концептуальных представлений историка, процесс их трансформации;
- исследовать реакцию научного сообщества на выдвинутые А.А. Зиминим идеи, особенности процесса их ассимиляции (либо отторжения);
- реконструировать применяемые ученым стратегии накопления и распоряжения «научным капиталом», проследить их трансформацию.

Хронологические рамки определяются годами жизни А.А. Зимина (1920–1980 гг.). Этому времени посвящена основная часть нашей диссертации. Однако некоторые из задач исследования

²² Бурдьё П. Начала. М., 1993; Он же. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.; СПб., 2001. С. 49–96; Он же. Социальное пространство: поля и практики. М.; СПб., 2007. С. 473–517.

²³ См.: Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи. М., 2001. С. 9–28.

заставляют делать экскурсии как в предшествующий (до середины XIX в.), так и в последующий период (до начала XXI в.).

Источники, использованные в диссертации, по своему характеру могут быть разделены на два больших блока: историографические и исторические.

Основную массу историографических источников составляют научные исследования (статьи, монографии), написанные А.А. Зиминым²⁴, а так же его предшественниками и коллегами-современниками²⁵. Они являются основным источником для написания интеллектуальной биографии ученого. Помимо них большой интерес представляют черновые планы оставшихся неопубликованными или незавершенными научных трудов ученого (план докторской диссертации о В.О. Ключевском, план курсовой работы студента А.А. Зимины за 2 курс), сохранившиеся в архиве РАН и его петербургском филиале. Нами были проанализированы рецензии и отзывы на монографии А.А. Зимины²⁶. На их основе можно судить о характере восприятия идей историка научным сообществом.

Исторические источники представлены двумя видами. Наибольшую ценность для нашей диссертации имеют источники личного происхождения. К ним относятся воспоминания А.А. Зимины²⁷, его коллег и знакомых²⁸. Мемуары А.А. Зимины в полном объеме в настоящий момент

²⁴ Зимин А.А. Очерки по истории феодального землевладения и хозяйства Московского государства. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1947. Ч. 1-2 (рукопись); Он же. И.С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1959; Он же. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI века. М., 1960; Он же. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; Он же. Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982; Он же. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991; и др.

²⁵ Бахрушин С.В. «Держава Рюриковичей» // Вестник древней истории. 1938. № 2. С. 88–98; Он же. Иван Грозный. М., 1942 (2-е изд. М., 1945); Смирнов И.И. Иван Грозный. Л., 1944; Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. М., 1969; Тихомиров М.Н. Начало возвышения Москвы // Известия АН СССР. Сер. История и философия. 1944. Т. 1. № 3. С. 97–108; Он же. Россия в XVI столетии. М., 1962; Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960; Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963 и др.

²⁶ Шмидт С.О. Рец. на кн. Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI века. М., 1960 // Вопросы истории. 1962. № 6. С. 132–139; Кобрин В.Б. Рец. на кн. Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI века. М., 1960 // История СССР. 1962. № 5. С. 184–188; Каштанов С.М. Книга о русском войске XVI века // Военно-исторический журнал. 1965. № 12. С. 87–90; Кобрин В.Б. Рец. на кн. Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964 // Вопросы истории. 1965. № 12. С. 153–157; Скрынников Р.Г. Опричнина и последние удельные княжения на Руси // Исторические записки. 1965. Т. 76. С. 152–174; Козляков В.Н. Рец. на: А.А. Зимин. Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 198–200; Смирнов И. Хроника времени Василия Темного // Знание-сила. 1993. № 11. С. 80–83; и др.

²⁷ Зимин А.А. Обретение свободы // Родина. 1990. № 8. С. 88–89; Он же. В книжном царстве // Александр Александрович Зимин: Библиографический указатель / сост. Р. Гульчинский. М., 2000. С. 135–148; Он же. Мой архив // Там же. С. 149–155; Он же. Мой истинный друг // От Древней Руси к России нового времени: Сборник статей: К 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. М., 2003. С. 17–24; Он же. Патриархи // Александр Александрович Зимин / сост. В. Г. Зимины, Л. Н. Простолосова. М., 2005. С. 29–57; Он же. Несравненный Степан Борисович // Там же. С. 58–73; Он же. Дети становятся взрослыми // Там же. С. 74–126; и др.

²⁸ Лурье Я.С. Из воспоминаний об Александре Александровиче Зимине // Одиссей. Человек в истории. 1993. Образ «Другого» в культуре. М., 1994. С. 194–209; Каштанов С.М. Александр Александрович Зимин. Штрихи к портрету // Россия в X – XVIII вв... Ч. 1. С. 19–23; Маматова Е.П. Вспоминая Александра Александровича Зимины // Там же. С.

недоступны для работы исследователей (такова воля держателей его архива), опубликованы лишь их отдельные фрагменты, однако даже в таком виде они многое дают для характеристики самого ученого и восприятия им пройденного жизненного пути. Большинство использованных нами воспоминаний об ученом были написаны близкими ему людьми (Я.С. Лурье, С.М. Каштанов, Е.П. Маматова, К.Г. Межова), что определило как хорошую осведомленность авторов о деталях личной жизни историка, так и их немалую пристрастность. Наибольший же интерес для характеристики «внутреннего мира» А.А. Зимина представляет его эссеистика²⁹. Большая ее часть посвящена искусству (кино, художественная литература, балет), но встречаются и собственно историософские размышления. А.А. Зимин, создавая эти записи, изначально е рассчитывал на их публикацию, поэтому многие из его суждений представляются чрезвычайно откровенными и даже опасными для того времени, так как за высказанные в них суждения он мог подвергнуться уголовному преследованию. Эссеистика А.А. Зимина более полно, чем официально опубликованные при жизни работы, освещает методологические воззрения историка, а так же его нравственно-этические воззрения. Нами использованы и эпистолярные источники³⁰ (в их числе и письма А.А. Зимина, отложившиеся в личных фондах А.И. Юхта, М.Н. Тихомирова, Н.М. Дружинина, С.В. Бахрушина, Л.В. Черепнина, А.И. Клибанова из архива РАН и Научно-исследовательского отдела рукописей РГБ). Кроме того, были задействованы и письма историка из домашнего архива его ученицы, старшего научного сотрудника ИРИ РАН М.Е. Бычковой. В отличие от мемуаров для них не характерен длительный временной разрыв между описываемыми событиями и моментом их фиксации, поэтому они более надежны при воссоздании происходивших событий, особенно в условиях, когда некоторые из управленческих решений не фиксировались в официальных документах (главным образом это относится к предыстории закрытого обсуждения монографии А.А. Зимина «Слово о полку Игореве» в 1964 г.).

Вторым видом задействованных источников стали материалы делопроизводства. В научном архиве ИРИ РАН сохранилось личное дело А.А. Зимина. Наибольший интерес среди

23–29; Минаев В.В. Педагогическая харизма Александра Александровича Зимина // Учителя учителей: очерки и воспоминания. М., 2009. С. 73–77; Фроянов И.Я. От автора // Фроянов И.Я. Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды). СПб., 2010. С. 3–20; и др.

²⁹ Зимин А.А. О книгах, театре, кино и прочем: из архивного наследия / подг. публ. В.Г. Зиминой (работа с текстами, комментарии) и А.Л. Хорошкевич (вступ. ст.) // Отечественная история. 2002. № 1. С. 6–40; Он же. «Балет Григоровича чрезвычайно историчен...» А.А. Зимин о балете «Иван Грозный», 1975 г. // Исторический архив. 2010. № 1. С. 137–142; Он же. Размышления [эл. ресурс] // URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin3/> (дата последнего обращения – 14.05.2013); и др.

³⁰ К истории спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Из переписки академика Д.С. Лихачева / публ. Л.В. Соколовой // Русская литература. 1994. № 2. С. 232–268, № 3. С. 213–245; Спор о подлинности «Слова о полку Игореве»: история одной неосуществленной публикации (по письмам из архивов Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева) / подг. текста, вступ. ст. и коммент. Л.В. Соколовой // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2004. Т. LVI. С. 385–422; Из писем Я.С. Лурье к А.А. Зимину по поводу датировки «Слова о полку Игореве» / подг. текста, примечания Е.И. Ванеева, вступ. ст. О.В. Творогов // Звезда. 2006. № 2. С. 89–104.

содержащихся в нем документов представляют характеристики ученого, данные ему авторитетными историками (М.Н. Тихомиров, А.В. Арциховский, Б.А. Рыбаков) того времени для участия в выборах в АН СССР. Помимо них в деле содержатся автобиографии А.А. Зимины, копии приказов о присуждении ему ученых степеней кандидата и доктора исторических наук, несколько личных листков по учету кадров. Была изучена и протокольная документация, отложившаяся в архиве РАН и фонде МГИАИ в Центральном архиве города Москвы. Помимо управленческой она выполняет и научно-коммуникативную функцию. Ученые, участвовавшие в тех или иных заседаниях, открыто высказывали свое мнение по разного рода научным вопросам. Использована нами и деловая переписка вице-президента АН СССР с Идеологическим отделом ЦК КПСС, сохранившаяся в Российском государственном архиве новейшей истории, в которой обсуждался вопрос о публикации исследования А.А. Зимины «Слово о полку Игореве».

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые в нем сделана попытка реконструировать творчество А.А. Зимины в целом, как взаимосвязанной системы его научных воззрений. Так же впервые творческий путь А.А. Зимины воссоздается с позиций интеллектуальной биографии, с применением наработок современной гуманитаристики, что позволило перейти от простого изложения основных положений работ историка к их тщательному анализу, вписать систему его воззрений в контекст развития отечественной исторической науки XIX – начала XXI в. При этом предлагается собственное определение объекта и предмета жанра интеллектуальной биографии (ранее в научной литературе не получившее четкой формулировки). Вводятся в оборот источники, находившиеся вне поля зрения историографов (протоколы защиты кандидатской и докторской диссертации А.А. Зимины, переписка Идеологического отдела ЦК КПСС и ЦК КПСС по вопросу издания монографии «Слово о полку Игореве» и др.).

Практическая значимость исследования. Основные выводы и положения диссертации могут быть использованы при составлении общих и специальных учебных курсов по российской историографии, отчасти – по истории России для высших учебных заведений, а так же учебных пособий к ним. Теоретико-методологическая основа диссертации может рассматриваться в качестве модели для дальнейшего построения интеллектуальных биографий отечественных и зарубежных ученых.

Апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена на заседании кафедры истории России Института гуманитарного образования Челябинского государственного университета. Основные положения автором были озвучены в докладах на международных (Москва, 2010, 2010, 2012; Челябинск, 2011; Оренбург, 2014) и всероссийских (Нижегородск,

2008, 2011, 2012, 2014; Екатеринбург, 2009) научных конференциях. Основные результаты опубликованы в 26 публикациях (общий объем 10,68 п.л).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы и источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обоснована актуальность темы, определены объект и предмет исследования, его хронологические рамки, сформулированы цель и задачи, раскрывается методология и методика исследования, представлена историография темы и дана характеристика источников.

В **первой главе «Формирование историка-профессионала: 1930 – начало 1960-х гг.»** рассматривается первый этап творческой биографии А.А. Зимина, основной характерной чертой которого является его следование «стратегии преемственности» в накоплении «научного капитала».

В **первом параграфе «Становление личности ученого и вхождение в науку: кандидатская диссертация»** анализируются обстоятельства вхождения ученого в состав научной среды.

А.А. Зимин был выходцем из семьи «бывших». Оба родителя принадлежали к числу дворян. Мать, в девичестве Береснева, происходила из рода графов Каменских. Отец историка до революции был офицером царской армии, служил в драгунском полку, правда, в воспитании сына непосредственного участия не принимал, так как умер за несколько месяцев до его рождения. Эта принадлежность к «бывшим» определила его культурный кругозор, ценностные установки и во многом способствовало его выбору профессиональной ориентации (общение с родственниками, занимавшимися историческими исследованиями, например, переводчиков Цицерона С.П. Гвоздевым; знакомство с классической русской литературой, использовавшей исторические сюжеты, в частности с произведениями А.С. Пушкиным и М.Ю. Лермонтовым; чтение научно-популярных книг по истории, в том числе О. Егера и Ф. Шлоссера). Эта связь со средой дореволюционной интеллигенции продолжилась и после его поступления в вуз благодаря его научному руководителю С.В. Бахрушину, представителю старой профессуры (на ценностные и методологические установки которой он в дальнейшем будет ориентироваться). От своего научного руководителя он усвоил ряд научных идей, в дальнейшем реализовывавшихся в его творчестве (сравнительно-исторический метод изучения летописей А.А. Шахматова, концепция «дофеодального периода», взгляд на реформы Избранной рады как проявление компромисса дворянства и боярства). Обучение в аспирантуре у такого крупного и авторитетного специалиста

способствовало накоплению будущим ученым «научного капитала». Его кандидатская диссертация выделялась из общей массы как новым, оригинальным взглядом на тему (монастырское землевладение), так и объемом задействованных источников. Защита прошла успешно, участие в ней таких специалистов, как А.А. Новосельский и Л.В. Черепнин, также способствовало накоплению им «научного капитала».

Во время учебы в аспирантуре он увлекается историософскими идеями русских религиозных философов второй половины XIX – начала XX вв., которые резко расходились как с марксистскими, так и позитивистскими методологическими установками (борьба Духа и Материи как основное содержание истории человечества, призыв к изучению внутреннего мира изучаемых персонажей, познание Бога как главная цель исторического познания). В условиях жесткой советской системы идеологического контроля, равно как и возможной негативной реакции самой научной среды, А.А. Зимин был вынужден адаптировать свое творчество к внешним, навязываемым ему установкам. Возникает феномен «двоемыслия» («философия двух миров», как именовал это положение сам А.А. Зимин), приносивший ему большой психологический дискомфорт.

Во втором параграфе «Научные стратегии А.А. Зими́на в 1950 – начале 1960-х гг.: докторская диссертация и “Реформы Ивана Грозного”» рассматривается время стремительного накопления историком «научного капитала».

Некоторое время после защиты кандидатской диссертации А.А. Зимин определялся с основным направлением своих научных изысканий. Намерение посвятить свою докторскую диссертацию биографии В.О. Ключевского пришлось оставить из-за идеологических кампаний конца 1940 – начала 1950-х гг. По-видимому, критика концепции «дофеодального периода» (так же имевшая под собой идеологическую подоплеку) заставила свернуть изыскания историка об истории Киевской Руси. В начале 1950-х гг. А.А. Зимин избрал главным объектом своего исследовательского интереса культуру и социально-политическую историю России середины XVI в. Это определило его попадание в сферу влияния «москвоцентризма» – системы представлений о российской истории, базирующейся на идеях о прогрессивном характере централизации государства и институте московской великокняжеской власти как единственно возможном центре объединения русских земель. В целом А.А. Зимин остается в рамках «москвоцентрических» представлений, однако новые обнаруженные им факты заставляют вносить некоторые корректировки (относящиеся к отдельным конкретно-историческим построениям) в привычные схемы, что делает их неоднородными.

Избранной теме А.А. Зимин посвятил две своих монографии: «И.С. Пересветов и его современники» (М., 1958) и «Реформы Ивана Грозного» (М., 1960). Первая из них, ставшая на тот

момент наиболее обстоятельным исследованием публицистики XVI в., была защищена в качестве докторской диссертации. В ходе прений А.А. Зимину неофициальными оппонентами были высказаны обвинения в отходе от принципа партийности, так как историк в ряде своих выводов пренебрег постулатом о жесткой взаимосвязи надстройки и базиса. Несмотря на это, защита прошла успешно. «Реформы Ивана Грозного» исходили из разделяемых многими (в том числе и С.В. Бахрушиным) идей о противостоянии боярства и дворянства как центральном стержне политической истории России XVI в. и централизованной монархии как форме правления того времени, реформах Избранной рады как попытке найти компромисс между этими группами. Однако ряд мероприятий Избранной рады не вписывался в привычную дихотомию, а система управления в изображении ученого выглядела слишком архаичной и аморфной. Выход в свет книги был отмечен положительными рецензиями, однако высказывая свои критические замечания, рецензенты (С.О. Шмидт и В.Б. Кобрин) обращали внимание именно на свойственные «москвоцентризму» положения, полагая их недостаточно обоснованными.

Во второй главе «Перипетии творческой жизни историка начала 1960 – начала 1970-х гг.» анализируется второй этап творчества А.А. Зимины, главной характеристикой которого является его резкий переход от «стратегии преемственности» к «стратегии подрыва».

В первом параграфе «“Слово о полку Игореве” в судьбе А.А. Зимины» речь идет о конфликте ученого и советского научного сообщества в 1963–1964 гг.

В 1962 г. А.А. Зимин был выдвинут кандидатом в член-корреспонденты АН СССР, что могло бы служить индикатором его возможного вхождения в состав «доминирующих» (научной элиты). Однако в том же году историк обратился к изучению «Слова о полку Игореве». Изыскания привели его к выводу о подложности этого источника. Публично озвучив их, А.А. Зимин поставил вопрос о публикации своей работы, получившей название «Слово о полку Игореве. Источники. Время создания. Автор». Научные администраторы и высшие партийные чиновники отрицательно восприняли труд А.А. Зимины. Не признали ее научной ценности и авторитетные литературоведы, так как она ставила под вопрос накопленный ими «научный капитал». Но слухи о его исследовании начали распространяться в научной среде, в том числе и за границей, что не позволило сразу же запретить публикацию работы. Выход был найден в организации закрытого обсуждения работы, по результатам которого планировалось принять окончательное решение о публикации либо запрете на обнародование исследования. Условия обсуждения выработывались с учетом мнения научного сообщества (активное участие в его подготовке принимали Д.С. Лихачев и Б.А. Рыбаков). Выработанный в результате консультаций «компромиссный» сценарий обсуждения оказался крайне неблагоприятен для А.А. Зимины: во-первых, несмотря на просьбы научной среды обсуждение осталось закрытым, со строго оговоренным списком участников; во-

вторых, оказался нарушен изначально предполагавшийся принцип равенства сторон и большинство его участников составили оппоненты историка (чего в первую очередь добивался Д.С. Лихачев).

Работа ученого была подвергнута жесткой критике, однако большинство участников обсуждения высказывались за ее публикацию, мотивируя это необходимостью публичной полемики с автором. Несмотря на то, что руководство АН СССР в лице вице-президента П.Н. Федосеева (по-видимому, под давлением научного сообщества) выразило желание обнародовать исследование, Идеологический отдел ЦК КПСС, ознакомившись с прозвучавшей на обсуждении критикой, наложил на публикацию негласное вето, размноженные же для заседания экземпляры книги распорядился поместить на спецхранение в архив АН СССР. Издать книгу в полном объеме при жизни историка не удалось. Следствием этого конфликта для историка стала сначала стагнация, а потом и падение уровня институционального «научного капитала» (он постепенно лишился всех занимаемых им административных постов).

Во втором параграфе **«Этап творческих переосмыслений: концепции истории Московской и Киевской Руси»** речь идет о дальнейшем накоплении ученым символического «научного капитала».

В монографии «Опричнина Ивана Грозного» (М., 1964) и связанной с нею статье «О политических предпосылках русского абсолютизма» А.А. Зимин обстоятельно скорректировал ряд не относящихся к центральным положений «москвоцентризма». Историк отказался от противопоставления дворянства и боярства, заменив его идеей борьбы великокняжеской власти с силами «политической раздробленности» (то есть политическими институтами, остававшимися ему неподконтрольными). Оформление централизованного государства он связал со становлением абсолютизма и отнес к середине XVII в. Задав вопрос о соответствии целей и методов опричной политики, А.А. Зимин фактически поставил под сомнение прогрессивный характер централизации государства. Кроме того, в его концепции классовая борьба перестает играть роль ведущего фактора исторического процесса, место которого занимает развитие политической системы, подспудно выдвигается идея о производности классовой борьбы от состояния надстройки. Это позволяет говорить об окончательном переходе А.А. Зимины к позитивизму (ранее его творчество располагалось на грани позитивизма и марксизма).

В «Холопах на Руси (с древнейших времен до конца XV века)» (М., 1973) он реанимировал распространенную в 1930–1950-е гг. концепцию «дофеодального периода», рассматривавшую древнерусское общество IX–XII вв. в качестве переходного, стоящего на грани первобытнообщинного строя и феодализма. В книге подчеркивалась длительность процесса феодализации общества (завершившегося лишь в начале XII в.), говорилось о слабом

распространении крупного феодального землевладения, подчеркивалась большая роль рабского труда в экономике. Характерны для этого времени и его контакты с И.Я. Фрояновым, ставшим в будущем крупнейшим приверженцем и продолжателем данной концепции. Участие А.А. Зимина в защите его кандидатской и докторской диссертации в качестве официального оппонента способствовало накоплению молодым коллегой «научного капитала». Отзывы А.А. Зимина свидетельствовали о том, что он поддерживал основные идеи диссертанта.

Историческое сообщество в целом позитивно оценило разыскания ученого. Но при этом часть историков (С.М. Каштанов, Р.Г. Скрынников) обратили внимание на исчезновение социальной подоплеки в объяснении событий опричнины, что могло вскрыть позитивистские, немарксистские основы исследования (в условиях советской системы идеологического контроля это грозило для автора репрессивными санкциями). Кроме того, рецензенты «Холопов на Руси...» (В.В. Мавродин, И.Я. Фроянов, А.Л. Шапиро) свое изложение сконцентрировали на изучении в книге эволюции института рабства, полностью игнорируя представленную в ней общую картину социально-экономического развития Киевской Руси.

В третьей главе «Подведение итогов жизни и творчества: 1973–1980 гг.» анализируется последний этап творческой биографии А.А. Зимина, главной характеристикой которого является отчуждение от борьбы за «научный капитал».

В первом параграфе «Физические недуги и творческое вдохновение, осмысление себя в науке как творческое завещание» рассматриваются рефлексии А.А. Зимина о профессиональной этике и принципах взаимоотношений с научной средой.

В начале 1970-х гг. у историка обостряется старое заболевание легких, не в последнюю очередь из-за испытанных им психологических потрясений. Его физическое состояние было крайне тяжелым, и ученый осознавал близость смерти. В этих условиях внутренние, личные мотивы творчества начинают преобладать над внешними. На этом этапе А.А. Зимин создал ряд автобиографических записей, позволяющих судить о его ценностных ориентирах.

Главное назначение историка он видел в служении окружающим. Историк, считал он, должен стать инструментом рефлексии общества о самом себе, и одновременно – процесса познания Бога. Корыстные мотивы деятельности полностью отвергались. Образ «идеального историка», по А.А. Зимину, включал в себя такие качества, как способность отказаться от материальных благ ради занятия наукой, трудолюбие, готовность преодолевать физические трудности, упорство, едва ли не граничащее с одержимостью. К вмешательству государства в творческую деятельность он относился отрицательно, но резкое противопоставление власти и творца для него не было характерно, возможность их сотрудничества он допускал, путь активного сопротивления политической системе полагал тупиковым.

Кроме того, историк подвел итоги и своей педагогической деятельности. Из его воспоминаний следует, что его усилия в первую очередь были направлены на обучение студентов методике работы с историческими источниками, и формированию их ценностных установок. Это предполагало установление с ними контактов на личном уровне, что привело к образованию вокруг А.А. Зимина неформального научного сообщества.

Во втором параграфе «Разрыв с концептуальной традицией: “Витязь на распутье” и переход от “москвоцентризма” к “полицентризму”» анализируются работы А.А. Зимина, созданные во второй половине 1970-х гг.

На последнем этапе жизни у историка оформилась идея создания цикла монографий о социально-политической истории России XV – начала XVII вв., названного им «Россия на пороге Нового времени». В него он планировал включить как свои старые работы, так и новые, вышедшие в свет уже после смерти автора.

В «России на рубеже XV–XVI столетий» (М., 1982) А.А. Зимин продолжил линию на переосмысление привычной «москвоцентрической» картины российского прошлого. В его изображении даже после формального объединения всех русских земель в одно государство в правящей элите продолжалась борьба за власть между связанными с разными регионами группировками знати. Самыми главными сторонниками централизации при этом проявляли себя представители тверской, а не московской знати, а исходом борьбы стало именно их поражение. Монография была позитивно встречена научным сообществом, однако практически все рецензенты игнорировали ее основные положения.

В «Витязе на распутье» (М., 1991) А.А. Зимин окончательно разрывает с «москвоцентризмом». На основе анализа событий феодальной войны 1425–1462 гг. он продемонстрировал, что Москва не являлась единственным центром объединения русских земель, а связанному с ней пути централизации государства он отказывал в прогрессивном характере в силу его тесной связи с формированием крепостной системы (ему противопоставлялась альтернатива объединения под властью северных княжеств и связанный с ними предбуржуазный путь развития). Ученый предлагает новую «полицентрическую» интерпретацию процесса формирования единого Русского государства, которая базировалась во-первых, на признании альтернативного характера исторического развития; во-вторых, на идее неоднородности и даже разнонаправленности развития русских земель. Книга свыше десяти лет не публиковалась по идеологическим причинам. Ее публикация оказалась отмечена многочисленными положительными отзывами. Однако необходимо отметить: главным образом историки восприняли ее критическую часть, контраргументы, разрушавшие традиционную картину причин возвышения Московского княжества, созданная же А.А. Зиминим альтернативная версия начального этапа

объединения русских земель ставилась под сомнение. В дальнейшем «полицентризм» распространения среди российских историков не получил.

В «**Заключении**» подводятся итоги работы, формулируются ее основные выводы и намечаются дальнейшие перспективы исследования.

В соответствии с прослеживаемыми в деятельности А.А. Зимина стратегиями накопления «научного капитала» мы выделяем три этапа творческой жизни ученого: в 1938–1962 гг. он следует «стратегии преемственности», в 1963–1973 гг. – «стратегии подрыва»; в 1974–1980 гг. он отчуждается от борьбы за «научный капитал». Первая резкая смена принципов взаимоотношений историка и ученого сообщества происходит именно в тот момент, когда А.А. Зимин мог войти в число «доминирующих» и ему была для этого необходима поддержка научной элиты. Тем самым он оборвал свой карьерный взлет. Причину этого «разворота», представляющегося иррациональным с позиций концепции поля науки П. Бурдьё, следует искать в желании историка преодолеть внутренний раскол своей личности. «Двомыслие» ученого оказалось обостренно тем, что собственные историософские взгляды выходили как за рамки не только официальной марксистской, но и позитивистской доктрины, разделяемой большей частью дореволюционной профессуры, на которую он ориентировался. Его постепенное отчуждение от борьбы за «научный капитал», переориентация на написание работ «в стол» также были одним из способов преодолеть этот внутренний раскол.

Отправной точкой, с которой А.А. Зимин в дальнейшем соотносил все свое творчество, являлись ставшие составной частью «москвоцентризма» взгляды дореволюционных ученых. При этом присущая собственно советской исторической науке марксистская доктрина не оказала большого влияния на его творчество, в целом протекавшего в позитивистском русле. Начав как приверженец «москвоцентризма» он на втором этапе творческой биографии пересматривает его положения, а к концу жизни выработывает свой, «полицентрический» взгляд на отечественную историю.

Вполне логично вытекает из всего вышесказанного вопрос о соотношении уникального и типичного в интеллектуальной биографии А.А. Зимина. Полагаем, ответить на него возможно посредством обращения к термину «исключительное нормальное», введенному итальянским историком Э. Гренди. Под этим понятием мы предлагаем понимать факт или объект, не вписывающийся в привычные рамки и правила поведения в обществе, который, несмотря на это, несет на себе информацию об этих стандартах. Интеллектуальная биография А.А. Зимина, на наш взгляд, может рассматриваться в качестве подобного «исключительного нормального» явления советской историографии. Мы считаем возможным предположить, что те черты, которые выделяют А.А. Зимина на фоне коллег, могут быть присущи и большинству советских историков,

но в менее выраженной форме. Конечно, механическое перенесение результатов микроисторического исследования на объекты макроуровня совершенно непродуктивно, поэтому высказанная нами идея является рабочей гипотезой, требующей проверки на более широком эмпирическом материале. Биография же и творчество А.А. Зимина будут еще долго служить неисчерпаемым материалом для формулирования подобных научных гипотез, позволяющих под новыми углами зрения рассматривать историю отечественной исторической науки.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в ведущих научных рецензируемых изданиях (в соответствии с перечнем ВАК):

1. От «москвоцентризма» к «полицентризму»: эволюция взглядов А.А. Зимина // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №4(142). История. Вып. 29. С. 140–147 (0,8 п.л.).
2. Киевская Русь в творчестве А.А. Зимина: концепция «дофеодального периода» // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 32(170). История. Вып. 35. С. 134–141 (0,8 п.л.).
3. Замыслы осуществленные и неосуществленные: А.А. Зимин и М.В. Нечкина в работе над монографией о В.О. Ключевском // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 23(238). История. Вып. 47. С. 27–36 (в соавт.; 1 п.л. / 0,5 п.л.).
4. Идеологический отдел ЦК КПСС и монография А.А. Зимина «Слово о полку Игореве» // История и историки. 2011-2012. Историографический вестник / отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2013. С. 198–205 (0,5 п.л.).
5. К истории дискуссий в советской науке: Обсуждение монографии А. Зимина «Слово о полку Игореве» (4–6 мая 1964 г.) // Вопросы литературы. 2014. № 1. С. 335–349. (0,75 п.л.).

Статьи в сборниках научных трудов и материалах конференций:

1. А.А. Зимин и «Слово о полку Игореве»: драма ученого и судьба идеи // Сборник науч. работ аспирантов и студентов ист. факультета ЧелГУ. Челябинск: РЕКПОЛ, 2006. Вып. 2. С. 95–96 (0,1 п.л.).
2. А.А. Зимин против В.О. Ключевского: проблема объединения русских земель с позиций «москвоцентризма» и «полицентризма» // Сборник науч. работ аспирантов и студентов ист. факультета ЧелГУ. Челябинск: РЕКПОЛ, 2007. Вып. 3. С. 98–100 (0,1 п.л.)
3. «Историк не должен и не может внимать равнодушно добру и злу»: дилемма «понимать или судить» в творчестве А.А. Зимина // Студент и науч.-техн. прогресс: Тез. докл. XXXI

- студенческой науч. конф. и межвузовской науч.-практ. конф. для студентов классических вузов. Челябинск: ЧелГУ, 2007. С. 77–79 (0,1 п.л.)
4. «Источниковедение системы систем» как основа источниковедческих воззрений А.А. Зимина // Студенческая наука: Поиски и открытия. Мат-лы межвуз. студенческой конф., 17 декабря 2008 г. Челябинск: ЧГАКИ, 2008. С. 16–18 (0,1 п.л.).
 5. А.А. Зимин-текстолог и методика А.А. Шахматова: ревностный защитник и реформатор // История идей и история общества: Мат-лы VI Всеросс. науч. конф. Нижневартовск: НГГУ, 2008. Ч. 2. С. 14–46 (0,1 п.л.).
 6. «Холопы на Руси» А.А. Зимина и вопрос о социально-экономическом строе Киевской Руси: концепция «дофеодального периода» // Сборник науч. работ аспирантов и студентов ист. факультета ЧелГУ. Челябинск: РЕКПОЛ, 2009. Вып. 4. С. 4–7 (0,5 п.л.).
 7. А.А. Зимин о методике реконструкции исторических источников // Сборник науч. работ аспирантов и студентов ист. факультета ЧелГУ. Челябинск: РЕКПОЛ, 2009. Вып. 4. С. 65 (0,08 п.л.).
 8. В.В. Мавродин о процессе объединения русских земель и «москвоцентрическая» концепция В.О. Ключевского // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Мат-лы IX Всеросс. науч. конф., посв. 85-летию д. и. н., проф. А.В. Бакунина. Екатеринбург: Издательский дом «Автограф», 2009. Т. 1. С. 48–50 (0,2 п.л.).
 9. С.В. Бахрушин и проблема социально-экономического строя Киевской Руси: концепция «дофеодального периода» // Студент и науч.-техн. прогресс: тез. докл. XXXIII студенческой науч. конф. / Отв. за вып. Л.И. Сахно. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2009. С. 76–78 (0,1 п.л.).
 10. К вопросу о методологии источниковедения А.А. Зимина: «источниковедение системы систем» и работы по проблемам дипломатики // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: Мат-лы XXII междунар. науч. конф. / Редкол: М.Ф. Румянцева (отв. ред.) и др. М: РГГУ, 2010. С. 140–143 (0,15 п.л.).
 11. Д.С. Лихачев о времени создания «Слова о полку Игореве»: из эпистолярного наследия ученого // История идей и история общества: Мат-лы IX Всеросс. науч. конф. / Отв. ред. В.Н. Ерохин. Нижневартовск: НГГУ, 2011. С. 214–216 (0,15 п.л.).
 12. Предыстория обсуждения книги А.А. Зимина «Слово о полку Игореве»: опыт реконструкции событий // Мир историка: историографический сборник / Под. ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2011. Вып. 7. С. 301–329 (1,5 п.л.).
 13. В поисках очертаний «научной школы А.А. Зимина»: к постановке проблемы [тез.] // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XX

- века: Мат-лы междунар. конф. / Отв. ред. Л.П. Репина. М: ИВИ РАН, 2011. С. 53–55 (0,15 п.л.).
14. В поисках очертаний «научной школы А.А. Зимина»: к постановке проблемы [статья] // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI вв.: Сборник статей / Под. ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 362–371 (0,5 п.л.).
 15. Дипломатика в научном творчестве А.А. Зимина // Труды кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета. Челябинск: РЕКПОЛ, 2011. Т. 5. / Под ред. С.А. Баканова, Г.А. Гончарова. С. 104–113 (0,6 п.л.).
 16. «Идеальный ученик»: С.М. Каштанов в воспоминаниях А.А. Зимина // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии: Мат-лы XXIV Междунар. науч. конф. / редкол.: Ю.Э. Шустова (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 2012. С. 21–28 (в соавт.; 0,5 п.л. / 0,25 п.л.).
 17. Основные черты педагогической деятельности А.А. Зимина и вопрос о его научной школе // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / под. общ. ред. В.П. Козлова. М.: РГГУ, 2012. С. 518–520 (0,1 п.л.).
 18. После обсуждения: судьба книги А.А.Зимина «Слово о полку Игореве» // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. Нижневартковск: НГГУ, 2012. Ч. I. История идей и история общества. Отечественная история / Отв. ред. А.В. Коричко, В.Н. Ерохин, Я.Г. Солодкин. С. 350–352 (0,15 п.л.).
 19. Проблема публикации монографии А.А. Зимина «Слово о полку Игореве»: парадоксы знаменитой дискуссии // Сборник науч. работ аспирантов и студентов ист. факультета ЧелГУ. Челябинск: Энциклопедия, 2012. Вып. 7. С. 46–51 (0,5 п.л.).
 20. А.А. Зимин и А.С. Лаппо-Данилевский: к характеристике методологических убеждений советского историка // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Мат-лы III Всеросс. науч.- практ. конф. / Отв. ред. А.В. Коричко. Нижневартковск: НГГУ, 2014. Ч. I. С. 157–158 (0,15 п.л.)
 21. Эволюция взглядов А.А. Зимина как историографическая проблема: основные подходы // Российская история в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы. Междунар. науч.-практ. конф. / Науч. ред. Д.А. Сафонов. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2014. С. 23–26 (0,5 п.л.).